

Ленские залпы, вздыбившие Россию

95 лет назад, в апреле 1912 года, трагические события на Ленских золотых приисках разбудили всю Россию.

Залпы, прогремевшие в бодайбинской тайге 4(17) апреля 1912 года, вызвали мощнейшую волну народного протеста. Она прокатилась по всей России и зажгла революционный огонь. Мирное шествие трех тысяч рабочих с прошениями об улучшении условий жизни на подходе к Надеждинскому прииску было встречено винтовочными залпами. Когда рассеялся порох, на снегу остались 270 убитых. Еще 250 человек с ранениями попали в лазарет.

После Ленской трагедии прошло уже 95 лет, но история и народная память хранят все, что случилось в тот черный день. Как такое можно забыть! Вот и нынче жители Бодайбо и соседних поселков как всегда 14 апреля проведут траурный митинг на месте трагедии. К подножию памятника жертвам Ленского расстрела будут возложены зеленые гирлянды и цветы, а затем наступит минута скорбной тишины. И люди, склонив головы, почувствуют дыхание истории и связь времен.

Давайте и мы обратимся к документальным свидетельствам страшной трагедии. О том, что случилось на Лене-реке, в бодайбинской тайге 95 лет назад рассказывают свидетельства очевидцев, сохранившиеся в архивах.

На Лене-реке

Ленское золотопромышленное товарищество возникло весной 1896 года и для краткости стало именоваться Лензолото. Правда, первые его учредители бароны Гинцбурги, М. Мейер, В. Бок, М. Варшавер, К. Винберг не долго полагались лишь на собственные возможности в добыче бодайбинского золота. Вскоре крупнейшими держателями акций стали П. Родоканаки, Э. Розенберг, А. Шварц, С. Палашковский. Со временем список акционеров пополнили граф Витте и матушка российского венценосца – государыня императрица Мария Федоровна. И, тем не менее, собственных сил для разработки кладовой бодайбинского золота по-прежнему не хватало. И вот в 1908 году в Лондоне создается общество "Лена-Гольфстрим", сумевшее быстро прибрать три четверти российских акций. Получив большинство голосов, английские толстосумы добились и права самостоятельно решать судьбу бодайбинских приисков. Вслед за Лондоном и Парижем акции "Лензолото" появляются и в Петербурге, где возникает комитет "Лена-Голдфилдс". В него вошли крупнейший заводчик А. Путилов, бывшие министры И. Вышнеградский и В. Тимирязев.

Бизнес оказался весьма прибыльным. Судя по отчетам, в сезоне 1909-1910 годов дивиденды по тем временам оказались просто заоблачными – 56 проц. Волю акционеров исполнял управляющий И. Белозеров, чье имя долгое время со страхом произносилось на старательских приисках. У него была любимая поговорка: "У меня от коня остается грива да хвост, а от рабочего – только нос". Это был крайне жестокий человек, загонявший приисковый люд в кабалу и нищету. Белозеров почти вдвое понизил расценки, удлинил рабочий день, в том числе и на опасных участках. В 1911 году, как свидетельствует статистика, на каждую тысячу работающих приходилось семьсот случаев травматизма. Все более, невыносимыми становились жилищные условия, а в лавках заставляли покупать протухшие продукты по запредельным ценам.

Вот лишь несколько выдержек из договора (1911 – 1912 г.г.), который рабочие подписывали при найме на работу.

"Рабочий день должен заключать в себе: с 1 апреля по первое октября 11,5 рабочего часа, а с 1 октября по 1 апреля – 11 часов; обеденный перерыв, назначаемый по усмотрению управления, в число этих часов не входит. При работах в две смены назначение в дневную или ночную смены зависит вполне от управления, число рабочих часов не должно превышать десяти. В случае надобности управление может назначить три восьмичасовые смены, и тогда мы обязуемся работать без перерыва для отдыха всю смену, то есть восемь часов.

В летнее время с 1 апреля по 1 октября отдыхи даются по усмотрению управления два раза в месяц – общий

или артелями. Расписание объявляется управлением, и мы обязуемся ему подчиняться, ни в коем случае не позволяя себе устраивать отдыхи самовольно...".

Долготерпение людей не могло продолжаться бесконечно. Тревожные сигналы раздавались задолго до трагедии, разыгравшейся 7(14) апреля. Вот лишь несколько строк из прошения крестьянки Матрены Шараповой на имя сенатора А. Глищинского.

"...Здесь опять развивается крепостное право, - писала она в марте 1911 года, - и при таком режиме можно скоро ожидать, что вот-вот взорвется народный бунт. Управляющий лесным делом господин Бедель объясняется с рабочими так: "нам, как служащим Ленского товарищества, прислано оружие стрелять вас без пощады". Если вместо денег рабочим давать свинец в лоб, тогда чем будет кормиться дармоедная порода. Если на это не обратить внимания начальствующих лиц, тогда каждый рабочий за неимением оружия будет мстить за такие поступки на каждом шагу не иначе, как огнем, так как рабочим оружие запрещено".

Представители власти и сами видели, что терпению людей наступает предел. В середине февраля окружной инженер Олекминского горного округа П. Александров телеграфировал в правление "Лензолота":

"Тихонская больница переполнена. Среди рабочих лесных подрядчиков цинга, лечить их негде. Прошу немедленно сделать соответствующие распоряжения".

Только в Петербурге и Лондоне на подобные телеграммы не обращали внимания, а среди рабочих зрели гроздь гнева. Вот что в конце февраля происходило на прииске Андреевском. Обратимся к воспоминаниям участника тех событий Г. Черепихина.

"Перед 29 февраля, примерно недели за полторы, нажим на рабочих еще усилился, и рабочие были доведены до такого состояния, что не могли больше терпеть. 28 февраля рабочему Быкову было выдано негодное конское мясо. 29 февраля возмущенные рабочие забастовали и потребовали от администрации немедленно убрать из продовольственной лавки продавца. Управляющий прииска Цинберг ответил, что ждет телеграммы из Петербурга... К вечеру рабочие вновь пришли к Цинбергу с тем же требованием. Цинберг ответил, что главноуправляющим Белозеровым предложено телеграммой немедленно приступить к работе или тех рабочих, кто не желает работать, немедленно уволить".

Новые телеграммы, поступившие из правления "Лензолота", подтвердили указание о немедленном расчете участников забастовки. Начались увольнения...

Когда терпению приходит конец

Забастовка возникла стихийно, но вскоре приобрела организованный характер. Волнения сразу же перекинулись и на другие близкие к Бодайбо прииски – Васильевский, Варваринский, Пророко-Ильинский, Липаевский, Нижний, Александровский, Надеждинский, Феодосиевский. После того как посланцы забастовщиков добрались, а для этого потребовалось около двух недель, до Дальней тайги – к забастовке присоединились рабочие приисков Тихово-Задонского, Ивановского, Светлого... В головном стачкоме оказались многие политссыльные, которых в ту пору хватало на иркутском севере. Требования, сформулированные стачкомом, вряд ли можно было посчитать "незаконными и чрезмерными", как это поспешили сделать хозяева "Лензолота". Вот лишь несколько выдержек из протокола собрания рабочих приисков, на котором было принято решение об общей забастовке. Оно датировано третьим марта 1912 года.

"Собрание рабочих Ленского золотопромышленного товарищества постановило:

- прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих;
- время забастовки не должно ставится в вину забастовавшим, так как эта последняя вызвана насущнейшей необходимостью неудовлетворенных вопросов, которые ставятся в голову требований;

Наши требования:

- Продовольствие с кухни должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими района.
- Расширение квартир с достаточным количеством воздуха. Холостым – одна комната на двоих, а семейному – одна комната.
- Ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнения должны быть летом, и при том же

должен быть выдан бесплатный проезд с семьей до Жигалово.

- 8-часовой рабочий день. Предпраздничные дни по 7 часов. Воскресные и двенадцатые праздники работать необязательно, а считать эти дни льготными, если же в эти дни производится работа, то должно с 6 час. утра и до 1 часу дня и писать их за полтора дня.

- Отмена штрафов.

- Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью в конторах мастерской и на стану, причем получатель должен расписаться в таблице о сумме, какую он получил.

- По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине ЛЗТ оплачивается поденной платой, а болезнь вообще – полднем, до дня выздоровления.

- Администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

Вежливое обращение администрации: рабочих называть не на "ты", а на "вы".

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а потому заявляем: если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимем всех рабочих с работы.

Эти и другие требования, выдвинутые рабочими, были вызваны не только беспросветной нищетой. Все больше рабочий люд осознавал, что дальше так жить нельзя. В рабочей среде зрело осознание того, что только коллективными усилиями можно защитить себя и свои семьи. В промежуток между четвертым и шестым марта в Петербург ушла телеграмма с кратким перечнем главных требований. Рабочие сохраняли надежду, что будут услышанными, но, как показали дальнейшие события, они ошибались. А вот авторитет стачкома рос с каждым днем. 12 марта иркутский губернатор получил телеграмму от горного исправника А. Галкина и инженера П. Александрова. Они доносили, что "резкого проявления беспорядков не наблюдается, но и меры убеждения не действуют, ибо стачка хорошо организована; дисциплина твердая, рабочие строго следят за собой, дабы не был нарушен порядок".

Действительно, забастовщики проявляли поразительную выдержку и организованность, выполняя все требования стачкома. Контроль за выполнением своих постановлений стачком поручил старостам барачных, опиравшихся на активное содействие рабочих. Рабочие в любую погоду охраняли шахты, оборудование, динамитные и продуктовые склады от возможных провокаций. Немедленно из обращения была изъята водка. Запрещены карточные и азартные игры. "Депутаты не велели" - эти слова действовали как закон. Нарушители могли попасть под бойкот, особенно за распространение ложных слухов. Если кто-то шумел или скандалил, то ему объявляли бойкот одним барачком. Когда же обнаруживался провокационный уклон, его открыто бойкотировали всем прииском. С нарушителем никто не разговаривал, а при обсуждении общих дел удаляли из барака. Правда, бойкот за все время забастовки объявлялся всего трижды. Виновные со слезами на глазах просили снять бойкот, клятвенно заверяя, что больше товарищей не подведут. И, действительно, впоследствии каждый из них слово свое сдержал.

Измором взять рабочих не удалось, но давление на участников стачки усиливалось. Коллективная петиция с восемью тысячами подписей, направленная в столицу, так и осталась без ответа. Одновременно правление "Лензолото" бомбардировали телеграммами иркутские власти, а также командующий войсками Иркутского округа Тимашев. В ответ – молчок.

Зато власти решили разогнать сгущавшиеся тучи. Своим распоряжением от 30 марта (13 апреля) 1912 года директор департамента полиции Белицкий рекомендовал начальнику иркутского жандармского управления немедленно ликвидировать стачечный комитет. В Бодайбо была выслана рота во главе с ротмистром Трещенковым. Ей подчинили команду из Киренска. Солдатам бодайбинского гарнизона власть не доверяла, поскольку большинству из них были понятны требования забастовщиков.

"Умирующий человек не лжет"

Стачком намеревался сделать очередную попытку вступить в диалог с администрацией приисков. Для предъявления требований намечалось шествие к Народному дому на Надеждинском прииске. Однако ночью начались аресты членов стачкома, выборных делегатов и рядовых активистов. Однако аресты не остановили подготовку к шествию, но возникли и опасения относительно возможной провокации, поскольку на дорогах появились усиленные жандармские посты.

Утром 4 (17 апреля) к Надеждинскому потянулись рабочие с Утесинского, Андреевского, Пророк-Ильинского и Александровского приисков. Посланцы стачкома пытались предупредить рабочих о дополнительной осторожности. Остановить движение не удалось, задние в колонне напирали на передних, а людской поток вливался в узкий проход. С одной стороны высились штабеля шахтного леса, с другой зиял речной обрыв. Дорогу людскому шествию перегораживал солдатский строй. По команде офицеров Санжаренко и Лепина раздались выстрелы. Трехтысячная толпа вздрогнула, закричала, убитые повалились наземь. Стреляли без промаха.

Обратимся к документальным свидетельствам. Начнем с телеграммы рабочих начальнику Иркутского горного управления.

"В ночь на 4 апреля были произведены аресты бывших выборных рабочих, ведущих переговоры, и выбранных по предложению исправника и окружного прокурора. Вот в виду того, что кто заявляет или передает заявления от всех, их арестовывают, мы, рабочие, пошли с заявлениями на Надеждинский прииск к товарищу прокурора, где, не доходя до места пребывания прокурора, были остановлены окружным инженером Тульчинским, вручили заявление и просили доложить прокурору о заявлении от рабочих. Это время раздались выстрелы со стороны стоявших войск – расстояние 150 сажень – без всяких предупреждений начальствующих войсками. При первом выстреле все положились на землю окружным инженером, которого спасли от смерти только трупы рабочих. Вместе с ним лежал стражник, которого ранили. Не обращая внимания, что рабочие лежали на земле и во время перерыва ползли обратно, они продолжали стрелять беспрепятственно. Поднято трупов до ста пятидесяти, ранено до двухсот пятидесяти".

Еще одно свидетельство очевидца. Запись сделана в книге местной церкви после посещения больницы. "В первой же палате, - пишет служитель культа, - я увидел раненых рабочих, без всякого ухода валявшихся на полу и на койках. Воздух раздирали стоны жертв. Мне пришлось встать на колени прямо в лужу крови, чтобы свершить последний обряд, и, едва успев отпустить грехи одному, я вынужден обратиться к другому. Все умирающие клялись, что намерения у них были самые мирные, и что они просто хотели вручить петицию. Я поверил им. Умирающий человек не лжет".

С первыми вестями о кровавой драме иркутский губернатор срочно командировал в Бодайбо своего чиновника по особым поручениям А. Майша. Он оказался человеком исполнительным и собрал письменные свидетельства участников и очевидцев трагедии. Правда слов потрясает и сегодня. Вот о чем свидетельствовал мировой судья Рейн:

"Рабочие шли, чтобы подать заявление товарищу прокурора; им объявили, что коллективные заявления принимать не будут. Толпа не была вооружена, после первого залпа бросились за впереди лежащими, продолжали стрелять по отходящим. При осмотре раненых 50 процентов ран – сзади, по характеру сделаны в лежачем положении. (...) Настроение рабочих в высшей степени подавленное. Из вещественных доказательств доставлены 51 деревянная палка (безусловно, обломки изгороди), 19 ломаных кирпичей (Тульчинский, ранее проезжая, видел эти кирпичи). Версия, что толпой было решено напасть на войска, не выдерживает критики. Не шли бы с голыми руками, имели возможность взять оружие, у многих оно имеется; захватили бы динамит, могли напасть на войска ночью".

Картину кровавых событий дополняют свидетельства В. Маслова, получившего ранение. "Я был ранен 4 апреля, - записали следователи, - Мы ходили подавать прошение товарищу прокурору. Такое прошение было и у меня, но я его потерял. Я неграмотный. В прошениях наших мы просили увеличить паек семейным и заявляли, что никто нас не подговаривал прекращать работу, а забастовали мы только потому, что нас сжали, пикнуть не стало возможности, жалованья меньше стало, обращались с нами по-собачьи. (...) В ночь на 4 апреля у нас арестов не было. Наших 12 человек забрали за два дня до этого. Забрали наших выборных, хотя мы выбрали их по приказанию начальства, которое отказывалось объясняться с толпой. После обеда к нам на прииски пришли все рабочие Андреевского прииска; сколько их было – не могу сказать. Мы присоединились к ним в числе около 600 человек и вместе пошли на Александровский прииск. Шли мы с голыми руками. Я шел в середине толпы. Когда подошли к Надеждинской станции народ остановился: никакого рожка или трубы я не слышал. Я вдруг услышал выстрелы, люди передо мной стали валиться, я лечь не успел и был ранен в грудь, пуля вышла из лопатки. Теперь у меня болит грудь. Я кашляю. Работать не могу. Прощение было у меня в руках, и мною потеряно".

Стояли до конца

Весть о страшной трагедии мигом разнеслась по всей стране и вздыбила Россию. В Государственной думе министр внутренних дел Макаров пытался угрожать. "Так было и так будет" - заявил министр в конце своей

речи, пытаясь убедить депутатов, что во всем виноваты рабочие. Они, дескать, своими действиями вынудили войска применить оружие. Депутаты из социал-демократической фракции встретили заявление гулом возмущения. А тем временем по России покати́лась волна забастовок, участники которых выдвигали все чаще политические требования. В эти напряженные дни в департаменте полиции пытались трезво оценить обстановку. Вот что говорилось в одной из официальных записок:

"В обществе бесконечные разговоры по поводу Ленских событий. Подобного повышенного настроения давно уже не было, причем приходится слышать в отношении правительства отзывы в самом резком, несдержанном тоне. Многие говорят, что расстрел ленских рабочих напоминает расстрел людей у Зимнего дворца 9 января 1905 года. Под влиянием думского запроса и речей, вызванных им, настроение в обществе поднимается еще выше. Давно уже в Думе не было напоминаний "о необходимости созвать Учредительное Собрание и силой объединенного пролетариата смести существующий строй".

Вскоре забастовки охватили практически всю Россию. Не осталась в стороне Иркутская губерния. Волнения начались в Черембассе. В Киренском уезде бастовали прииски Громовой, Кушнарева и Гловой. Свой голос протеста подали солевары Усть-Кута и Усо́лья. Остановилась работа на Жигаловской судовой верфи. Вал коллективного протеста набирал силу. В агентурной записке полицейского департамента констатировалось:

"Протестующие голоса, указывающие на то, что забастовки вредят разрешению Ленских событий, придавая им политический характер, тонут в море голосов, доказывающих, что ценна именно политическая сторона забастовок, которые для правительства должны иметь предупреждающий, симптоматический характер. Правительство якобы слишком уверено, что все активные силы в стране убиты и парализованы, и на этом основании строит свою политику, поэтому новое и для правительства совершенно неожиданное выступление пролетариата является предупреждением, над которым оно не может не задуматься".

Не собирались сдаваться и рабочие Ленских приисков, хотя им были обещаны изменение расценок и условий договора. Только купить их подачками не удалось. Рабочие выступали за коренные изменения, за создание человеческих условий для работы и жизни. В письме на имя сенатора Манухина, возглавившего расследование, они писали:

"Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновников, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом, не выяснена правда. При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у ленцев в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время".

На приисках началась "мертвая стачка", показавшая рост классового самосознания и крепнувшую товарищескую спайку. Сломить рабочих так и не удалось. Было принято решение "о коллективном исходе", чего никак не ожидали ни хозяева приисков, ни царские чиновники. Первая партия ушла 13(26) июля, а последняя — 15(28) сентября. В каждой партии насчитывалось до полутора тысяч человек, а всего выехало двенадцать партий. Сохранились воспоминания одного из участников того необычного исхода — рабочего И. Кузнецова:

"Дорога предстояла трудная: с приисков до Бодайбо нужно было ехать лошадью, а частью по узкоколейной железной дороге. С Бодайбо до Витима нужно было спускаться на пароходах и крупных барках, с Киренска до Усть-Кута по реке Лене — на мелкоосидающих пароходах, а мужчинам идти по берегу 380 верст до пристани Жигалово, с Жигалово до Иркутска пробираться на лошадях 500 верст. Наступали осенние холода и бездорожье, и в таких условиях надо было пробыть в дороге более 20 дней. Но рабочих не испугал предстоящий трудный поход".

Коллективный исход пробил крупную брешь в доходах хозяев "Лена-Голдфилдс", высокопоставленных чиновников из царского окружения и самой императорской семьи. По всей России разнесли ленские рабочие, оказавшиеся в эпицентре трагедии, дух непокорности и боевой солидарности. Их пример всколыхнул Россию и привел к переходу от революционных настроений к революционному подъему в разных социальных слоях, прежде всего, среди пролетариата.

Эхо Ленского расстрела, услышанное всей страной, заставило многих и многих задуматься о безнадежности и несправедливости трудового народа. И только в Зимнем дворце царь и его сановные чиновники постарались сделать вид, что ничего особенного не произошло. Дорогой оказалась их глухота. До 1917 года, перевернувшего историю России, оставалось пять лет...

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)